

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ**

Липина С.А. – доктор экономических наук, заведующая сектором ФГБНИУ Совет по изучению производительных сил Минэкономразвития России и РАН (СОПС), директор по науке Евразийского института экономики и экологии (ЕИЭЭ МГУЛ).

Аннотация. В докладе поднимаются важнейшие вопросы демографической, миграционной и социально-экономической политики в свете обеспечения национальной безопасности и модернизации экономики крупных макрорегионов России – Дальнего Востока, Сибири и Северокавказского региона. Определен ключевой комплекс проблем и приоритетов демографической политики, обозначены главные направления социальной политики, как основы повышения качества человеческого капитала - основного ресурса и модернизации.

Ключевые слова: *Дальний Восток, Сибирь, Северный Кавказ, человеческий капитал, приоритеты развития, демографическая политика, миграционная политика, расширенное демографическое воспроизводство, трудовые ресурсы, факторы межнациональных конфликтов, перекрестные миграционные потоки, проблемы молодежной безработицы, развитие человеческого потенциала.*

Annotation. The report raises important issues of population, migration and socio-economic policy in national security and economic modernization of major macro-regions of Russia - the Far East, Siberia and the North Caucasus region. Defined set of key issues and priorities of population policy are identified major areas of social policy as a basis for improving the quality of human capital - the main resource and modernization.

Key words: *the Far East, Siberia, the North Caucasus, human capital development priorities, population policy and immigration policy, expanded reproduction of demographic, labor, the factors of ethnic conflicts, cross-migration flows, the problem of youth unemployment, the development of human potential.*

Миграция на сегодняшний день стала одной из наиболее острых проблем для Российской Федерации и всё чаще занимает центральное место и в российской политико-правовой и социально-экономической дискуссии, становясь одной из ключевых тем. Общественные перемены последних десятилетий на территории постсоветского пространства кардинально изменили политическую и социально-экономическую ситуацию, а переустройство этого огромного пространства с изменением национально-политической ориентации в создаваемых заново государствах и новых республиканских образованиях, вынудили миллионы людей стать подневольными мигрантами.

Стремительное передвижение небывало огромными ранее потоками людей в страну, когда её государственно-административная система находится в кризисном состоянии, привело к многочисленным проблемам для самой России.

В отличие от мировых развитых стран, переживших миграционный бум и не связанных с устойчивой иммиграцией, Россия столкнулась с миграционными процессами, которые возникли ещё и в результате вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР. И неудивительно, что миграционные потоки достигли такой интенсивности, что связанные с ними процессы многими экспертами оцениваются, как социальный взрыв, и как возникший феномен национальной безопасности, поскольку к внутреннему перемещению людей присоединились внешние потоки, в том числе незаконная миграция.

Для Российской Федерации важной особенностью состояния миграции является резкое изменение направления внутренних миграционных потоков, которые сложили определенный рисунок человеческих течений, и которые привели к концентрации населения в южных областях и столичных регионах страны. Дело оказалось не только в том, что российские регионы оказались не готовы своевременно разобраться с проблемами адаптации прибывающих потоков людей, часто совершенно иной культуры, мало приспособленных к сосуществованию с коренным населением, но и трудовая миграция стала оказывать давление на рабочие места, на условия труда местной рабочей силы.

Поэтому нарастающие болевые для государства и драматические для населения проблемы необходимо было законодательно решать, то есть возникла необходимость регулировать миграционные потоки, чего геополитические и экономические интересы страны настоятельно требовали. При этом мониторинг миграционного законодательства РФ и общая стратегия миграционной политики в России до сих пор не дают ответ на вопрос, как изменить векторы внутренних миграций: поменять направление потока, идущего с востока на запад, на направление «запад – восток», и как сбалансировать излишки населения на юге России с нехваткой населения на северо-востоке. Помимо необходимости планирования и управления внутрироссийской миграцией, разработки программ по обустройству прибывающих на эти территории мигрантов, установлению жесткого пограничного контроля на сопредельных территориях и противодействия нелегальной миграции, необходимо определить преференции для мигрантов из стран СНГ и репатриантов, особенно добровольно переселяющихся с семьями соотечественников, проживающих за рубежом, с целью приобретения ими российского гражданства. Ведь «чтобы миграция давала положительные результаты, сокращая до минимума её негативные

последствия, её процессами надо управлять... Управляемая миграция может и должна стать важным ресурсом для преодоления тех вызовов, и в том числе демографического, с которыми Россия столкнулась и столкнется в наступающем столетии» Статистическая характеристика миграционных процессов и анализ их тенденций, соотношение числа законных и незаконных мигрантов, на сегодняшний день подводит к неутешительному выводу: оценить степень «угрозы» или «блага, которые несет миграция в России очень трудно. При попытке провести объективный социально-экономический анализ миграционных проблем, вдруг осознается, что реальных статистических данных по численности, источникам доходов (особенно нелегальных, на которых базируется экономика миграционных процессов) и этническому составу иностранных мигрантов (и прежде всего, нелегальных) попросту нет.

А ведь миграционные вопросы являются частью общего демографического пространства, которое невозможно изучить без анализа статистических источников. И если в материалах Евростата, приводятся данные, позволяющие проводить сравнительное исследование, то со статистическими данными по миграции в России возникает определенный парадокс, который очень тревожит ученых: и социологов, и экономистов. «Трудовая миграция до сих пор рассматривалась властью как текущий в страну неструктурированный поток. Регулирование осуществлялось не путем отбора лиц нужной рынку квалификации, а путем прямого запрета на труд для иностранцев в некоторых секторах экономики»

В январе 2008 года Директор ФМС России К.О. Ромодановский на заседании Коллегии ФМС озвучивает цифру, которая повергла всех экспертов в настоящий шок. «Новое миграционное законодательство, введенное в действие в 2007 году, принесло свои плоды: на миграционный учет поставлено около 8 миллионов человек, а всего в стране насчитывается

около 15 млн. мигрантов. В то время как ученые никогда не разделяли этой завышенной оценки, всегда склоняясь к величине 4-5 млн.».

Так, будучи ещё председателем Думского комитета по международным делам Константин Косачев сделал заявление, говоря об актуальности миграционных проблем, о том, что по некоторым оценкам к 2050 г. мигранты и их потомки составят свыше трети населения России. По его словам, в России проживает около 10 млн. граждан других государств, что сопоставимо с населением Португалии.

Численность нелегально пребывающих (проживающих) и незаконно занятых позволяет определить количество лиц «с неурегулированным правовым статусом» (учитывая тот факт, что те, кто незаконно пребывают, не могут законно трудиться). Число таковых колеблется от 4 до 10 млн. В этот диапазон укладываются оценки от заявлений официальных лиц (главы государства, главы Федеральной миграционной службы и других) до расчетов демографов (Е.Тюрюканова, Ж.Зайончковская, И.Ивахнюк и др.). Такие крайние цифры, как 15 млн. не стоит даже упоминать. Существующий разброс цифр неприемлем, так как правильная интерпретация статистических данных – залог корректных представлений о миграционной ситуации, и соответственно, о приоритетах миграционной политики. Здесь необходимо понимать, что приобретая в последние годы ярко выраженный этносоциальный и этнополитический характер, миграция вносит коррективы в жизнь местных социумов, влияет на проводимую региональными администрациями государствами политику, а главное - изменяет личностные характеристики тех, кто вынужден перемещаться на другие территории в поисках спокойной жизни и лучшего будущего

Поэтому, когда в государстве, впервые за долгие годы, появился стратегический документ «Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года», определяющий базовые принципы

регулирования миграционных потоков, и который является основополагающим документом, где зафиксированы цели, задачи и приоритеты миграционной политики в соответствии с интересами общества, экономических агентов и государства, стало понятно, что этот документ потребует и соответствующих изменений в действующем законодательстве по миграционным процессам. А что касается внешних миграционных потоков, то и детального обсуждения и проработки с моделированием от ученых-экспертов, которые сразу укажут на возможные недостатки действующих миграционных актов и постановлений в России. Здесь необходимо принять во внимание самую главную задачу миграционной политики на сегодняшний день: государство путем привлечения иностранных трудовых ресурсов пытается таким образом решить демографическую проблему нашего общества, а так же приостановить миграционный отток населения из Сибири и Дальнего Востока. Ведь именно третий этап (2021-2025 годы) подразумевает оценку эффективности принятых программ и уточнение приоритетов. По итогам третьего этапа к 2026 году авторы рассчитывают на миграционный приток населения в Сибирь и на Дальний Восток. Само по себе утверждение миграционной концепции, по словам Лидии Графовой, прогрессивный шаг. Самые главные слова в тексте концепции — что России однозначно нужна трудовая миграция. Это не зло, а благо. При нашей экономической и демографической ситуации Россия без мигрантов не выживет.

Между тем, уже в течение двух десятилетий отмечается сокращение населения Дальнего Востока и Восточной Сибири вызванное не столько естественной убылью (депопуляцией), сколько непрекращаемым миграционным оттоком, и пока все усилия, предпринимаемые государством на увеличение продолжительности жизни, повышение рождаемости, снижение смертности не смогут решить проблемы оттока населения из этого

огромного макрорегиона. С началом экономических реформ государство, по существу, отказалось от своих обязательств в отношении какой-либо целенаправленной экономической политики на Дальнем Востоке. Демографическая ситуация с начала 1990-х гг. стала складываться под воздействием трансформации социально-экономической системы, кризиса экономики и снижения уровня жизни населения, низкого уровня и качества развития отраслей социальной сферы. Регион постепенно утратил приоритеты в своем развитии, потерял привлекательность для российских мигрантов, что стало основным ограничивающим фактором развития Дальнего Востока и Восточной Сибири, с другой стороны, представляет угрозу национальной безопасности страны.

По мнению экспертов, практически нет надежды на увеличение притока мигрантов из российских регионов на Дальний восток и в Сибирь, поскольку в большинстве их тоже происходит сокращение численности населения, а, следовательно, и его экономически активной части. При этом следует отметить, что депопуляция населения Восточносибирского региона может иметь долгосрочный характер, поскольку происходит под двойным давлением: *депопуляции* - низких показателей рождаемости и катастрофически высоких показателей смертности, при низкой продолжительность жизни и *низких социальных благ*: заниженный минимум заработной платы и неконтролируемость процессов дифференциации оплаты труда при опережающих темпов роста розничных цен на товары и услуги по сравнению с центральными регионами России.

Предпринимаемые попытки властей к добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, не дают пока желаемого результата. Отсюда встает важный вопрос: как обеспечить прирост населения за счет миграции, которая прежде была базовым источником формирования численности и состава населения и необходима в будущем,

как один из определяющих факторов роста населения на Дальнем Востоке России. «Все дело в том, что принятые программы по переселению, так называемые («пилотные» региональные программы действуют в Приморском и Хабаровском краях и Амурской области), по существу, имеет провальный характер для Дальнего Востока. Программами было предусмотрено в 2007—2012 гг. создание 8965 рабочих мест, а создано по состоянию на 1 января 2009 г. только 77».

На сегодняшний день в азиатской части России (занимающей треть всего континента) проживает менее 30 млн. человек или 1% населения Азии в целом, а показатели плотности населения восточных районов – ниже средних по России в три с половиной раза, а по отношению к уровню заселенности всего азиатского материка – в 30 раз. Причем захлестнувший отток настолько интенсивен, что возникающая угроза стратегических и экономических последствий из-за сокращения численности населения этого региона приведет, не только к разрушению сложившегося трудового потенциала и к дефициту трудовых ресурсов, но и к нарастанию угрозы национальной безопасности страны. Ведь в покидаемом регионе остается значительный ресурсно-сырьевой, и самое главное, промышленно-производственный потенциал России. В подобной ситуации требуются качественно новые правила построения миграционной политики, новые стратегические подходы и концепции адекватные процессам, происходящим в современном мире. Только конкурентные преимущества по привлечению трудовых ресурсов могут стать определяющими условиями формирования миграционных потоков в этот регион. И здесь мы должны понимать, почему тема привлечения и включения миграционных ресурсов из сопредельных государств становится одной из самых политизированных и наиболее обсуждаемых, как в международном, так и во внутригосударственном форматах. Одним словом, нужно, наконец, определиться и в отношении

миграции, и в отношении постсоветского пространства: если мы наращиваем интеграционные процессы со странами ближнего зарубежья, то и тем самым активизируем процесс нашего возвращения в Среднюю Азию и может быть и в Закавказье.

При этом здесь нельзя забывать, что и Восточная Азия уже де-факто становится центральным направлением внешней политики России. Если Россия добьется успеха в экономическом развитии Сибири и Дальнего Востока, да ещё с акцентом на развитие инновационных отраслей, то это откроет широкие возможности для сотрудничества не только дальневосточным соседям, но странам Южной и Юго-восточной Азии. В связи с этими процессами, российская миграционная граница в этом регионе приобретет эшелонированный характер. И здесь очевидно, что «данная проблема будет угрожать национальной безопасности России, так как контроль на приграничных территориях сопредельными странами осуществляется недостаточно эффективно. А с учетом коррупции во всей миграционной и государственной системе, есть возможность предполагать, что данная проблема долго будет оставаться нерешенной».

Возникает необходимость принять меры для ужесточения визового режима и нелегальной миграции, и здесь усилиями только официальных властей проблему не решить. С учетом новых реалий и решений по Дальнему Востоку и Сибири необходимо тщательно изучить международный опыт по созданию условий для приема мигрантов, оптимизировать деятельность контролирующих органов, расширить применение социально-психологических технологий по работе с гражданами, приезжающими в страну легально. Им целесообразно и по возможности создавать условия для интеграции в социально-культурную среду. Крайне необходимо предусмотреть не только условия для привлечения крупного капитала, в том числе иностранного, но и оказывать активную поддержку своему,

российскому, малому и среднему бизнесу, так как именно в этих сферах создается немало рабочих мест. Здесь не следует забывать, что способность жителей стран Ближней и Восточной Азии к быстрому наращиванию предпринимательской деятельности и развитию сельского хозяйственного производства, ни у кого не вызывает сомнения. Другими словами, единственный путь развития этого огромного региона нашей страны – это создание на всей территории полноценного хозяйственного контура не только экспортно-сырьевой или высокотехнологичной промышленности, но и любой другой индустрии — от рыбопромышленного комплекса и биотехнологического аквакультурного кластера до легкой и обрабатывающей промышленности, производящей обычные товары повседневного спроса. Реализация данных задач в современных условиях этого макрорегиона, вряд ли возможна без использования труда мигрантов.

Дальний Восток и Сибирь являются уникальной территорией, где миграция в формировании населения являлась и продолжает являться детерминантом параметров его развития. Скажем прямо, что только благодаря регулируемой миграции в советский период были экономически освоены многие труднодоступные территории Севера и Восточной Сибири. Поэтому сегодня как никогда становится актуальной необходимость в получении населением в этом регионе жизненных благ того же качества, что и в европейской части страны. Для привлечения и закрепления населения в регионе, восстановления в нем населенческого потенциала объем этих благ даже должен быть больше. Его жителям необходимо предоставить преференции в форме снижения стоимости топлива и коммунальных услуг, компенсацию проезда воздушным и наземным транспортом, увеличить пенсии и зарплаты и многое другое. Привлечь квалифицированные кадры на Дальний Восток и Восточную Сибирь возможно лишь контрактной системой найма с высокой оплатой труда. Для этого необходима специальная

переселенческая программа, государственная поддержка инвесторов, развитие социального сектора, инфраструктурное освоения Восточносибирских территорий, словом необходим системный, комплексный подход к освоению ресурсов на современном уровне.

Что касается собственных людских ресурсов Дальнего Востока и Восточной Сибири, то складывающийся огромный перепад демографического потенциала с соседними странами АТР не может быть преодолен даже при самом благоприятном раскладе социально-экономического развития этого макрорегиона. Да нам собственно этого и не надо. А негативные тенденции нехватки кадров могут быть преодолены несколькими путями, и при этом все равно главной будет миграция, которая сможет заровнять демографическую яму Дальневосточного региона. И коль сегодня речь идёт об инновационной индустриализации этой территории, то решить сегодняшнюю проблему методами Столыпина или призывными лозунгами, как в СССР, не удастся. Да и в свете сохранения позиций России в партнерстве с Китаем, и в свете национальной безопасности, необходимость подъема экономики Дальнего Востока и Восточной Сибири совершенно очевидна. Но вот то, что этот подъем может быть осуществлен только в сотрудничестве с Китаем и с соседними азиатскими странами, в том числе и за счет широкого привлечения от туда рабочей силы не на временной, а на постоянной основе, пока у многих экспертов не находит должного понимания. Во многом проблема здесь видится в том, что вызовы, стоящие перед Россией, со стороны этих государств будут сопровождаться ростом масштабов миграции и усилением её воздействия на все сферы жизни местного населения, что с точки зрения стратегических и экономических последствий может привести к попыткам заселения этой территории населением сопредельных государств, то есть возрастанию угрозы национальной безопасности России. Вот здесь- то и необходимо наличие

комплексного многоцелевого миграционного планирования, позволяющий максимально полезно реализовать колоссальный внутренний российский потенциал, т.е. включить в активный миграционный процесс соотечественников, проживающих, в том числе и на постсоветском пространстве, среди которых достаточно много квалифицированных специалистов различного профиля. А с геополитических и культурно-цивилизационных позиций, а также как противовес «китайскому фактору», думается, было бы полезным привлечение трудовых мигрантов из трудоизбыточных Среднеазиатских стран и Российских северокавказских республик. Ведь растет же трудовая миграция мужчин молодых и средних возрастов из этих регионов в крупные города Центральной России и нефтегазодобывающие округа тюменского Севера. Конечно, оценить ее объемы пока сложно, тем более что подавляющее большинство мигрантов зачастую трудоустраивается в неформальном секторе экономики. А пока по самым скромным оценкам Северокавказских экспертов количество безработных в СКФО к 2015 году может превысить 400 тыс. человек, их не займешь всех в туристском комплексе, какие бы преференции от этой отрасли не обещало государство. Не следует забывать, что в жизнь вступает все большее количество молодых людей, ведь население здесь очень молодое. А возможности по обеспечению занятости в регионе на сегодняшний день всё также существенно ограничены. К тому же, избыток свободных рабочих рук на Северном Кавказе и обилие вакансий в Сибири и на Дальнем Востоке не означают легкого трудоустройство безработных Кавказа. Надо помнить, что на Кавказе не слишком много квалифицированных работников — кроме строителей и нефтяников, многим необходимы обучение или даже смена квалификации. И здесь необходимо решить, пойдут ли приглашающие компании на подобные траты с учетом затрат на проживание? И чтобы справиться с проблемой избытка трудовых

ресурсов СКФО, необходимо развитие инфраструктуры для экономической занятости населения, ориентированного: во-первых, на предлагаемый рынок рабочей силы; во-вторых, продуманные и просчитанные меры в области миграции, где возвращение к практике «вахтовой занятости» на основе договоров и обязательств сторон, решат некоторые острые вопросы. А если предусмотреть установление повышенных районных коэффициентов и северных надбавок к заработной плате, пенсиям, стипендиям и иным выплатам гражданам, проживающим на территории дальневосточных субъектов Российской Федерации, то эта территория станет более привлекательной и для населения центральных районов, где есть избыток трудовых квалифицированных кадров, где происходит закрытие или полная реконструкция предприятий.

Важнейший ресурс республик, который зачастую для Северного Кавказа не только не включается в экономические расчеты, но и зачастую ставится в отрицательный фактор развития, - это население, трудовые ресурсы, их качество и количество. А уникальность ситуации заключается в том, что трудовые ресурсы республик Северного Кавказа – это один из главных ресурсов для развития не только этого региона, но и других, теряющих свое население. В настоящее время из всех российских регионов, только в республиках на Юге России сохранилось расширенное демографическое воспроизводство – практически все горские народы имеют положительный демографический прирост. Наиболее ярко это представлено в Дагестане, Чечне и Ингушетии, меньшей степени в Карачаево – Черкессии и Кабардино-Балкарии. Здесь потенциально растущее население, обладающее особыми качествами кавказского типа, является одним из важных ресурсов в деле становления федерализма и интеграции Северного Кавказа в российское правовое и экономическое пространство.

Среднегодовая численность постоянного населения Северо-Кавказского федерального округа около 9,5 млн. человек (9 492 909 человек на 01.01.2012), только в республиках Северного Кавказа на 1 января 2012 года она составляла более 6986 тыс. человек (это более 5,5 % от общей численности населения России). Если средняя плотность населения Юга России – около 38,7 чел. на кв. км, то при рассмотрении по отдельным районам республик (территории республик до 40-50% занимают горы) этот показатель достигает 135 человек на 1 кв. км, в Ингушетии, а в Сунженском районе Ингушской Республики до 500 человек на 1 кв. км. Как отмечает статистика, сегодняшнее население Северного Кавказа в сравнении с остальной страной довольно молодо. Так численность населения Чеченской Республики на сегодняшний день составляет около 1 200 000 человек, из них численность детей и подростков составляет 31%.

Средний возраст жителей многих республик СКФО лишь приближается к 30 годам, тогда как средний возраст жителей России увеличился на 1,3 года и составил 39 лет, а ряде регионов средний возраст уже перевалил за 40. Численность населения старше трудоспособного возраста выросла на 1 миллион 900 тысяч человек. Число детей и подростков сократилось на 3 миллиона 200 тысяч.

Треть населения в республиках Северного Кавказа живет в домохозяйствах с пятью и более членами семьи. Каждая пятая семья (21%) на Кавказе считается многодетной. Стабильно высокая рождаемость и большая доля молодежи в структуре населения этого региона – в сегодняшней России предмет и для гордости, и для беспокойства. Позитивное здесь - это возрастной состав населения, заметна высокая доля населения в трудоспособном возрасте и моложе трудоспособного.

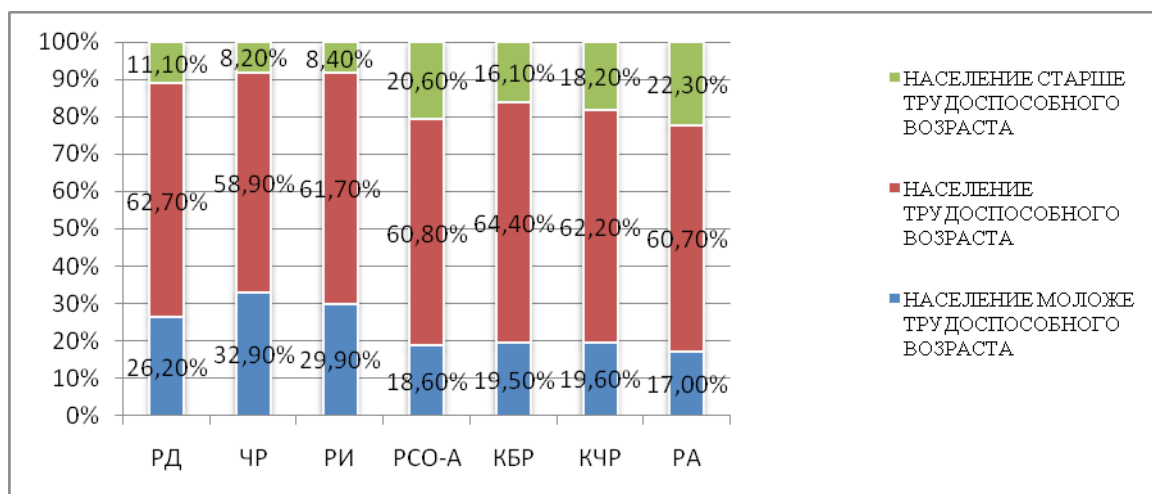

Рисунок 1. Структура населения Республик Северного Кавказа, 2011г.

Источник: www.gks.ru

Беспокойство вызывает то, что экономическая активность населения СКФО, по статистике, остается ниже, чем в среднем по стране, доля экономически неактивного населения – не занятого и зачастую не ищущего работу - в Карачаево-Черкесии и Дагестане, например, превышает третью часть граждан в возрасте от 15 до 40 лет (34,7 и 34,9% соответственно). И на эту проблему экономисты и демографы обращают внимание уже давно, предупреждая о том, что следствием такого «разрыва» между количеством рабочих рук и спросом на них может быть всплеск конфликтности.

Таблица 1.

Экономическая активность населения в возрасте 15-72 лет (по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости в среднем за июнь-август 2010г.). Источник www.gks.ru

	Экономически активное население, тыс. человек	В том числе		Уровень экономической активности населения, в %	Уровень занятости, в %	Уровень безработицы, в %
		занятые	безработные			
Российская Федерация	76304,8	71034,6	5270,2	68,5	63,8	6,9
Северо-Кавказский федеральный округ	4420,0	3707,4	712,6	65,0	54,5	16,1
Республика	1241,5	1085,5	156,0	63,4	55,4	12,6

Дагестан						
Республика Ингушетия	242,4	116,5	126,0	67,5	32,4	52,0
Кабардино-Балкарская Республика	404,8	356,8	48,1	58,4	51,5	11,9
Карачаево-Черкесская Республика	218,0	198,1	19,9	67,4	61,2	9,1
Республика Северная Осетия Алания	373,3	337,2	36,1	70,2	63,4	9,7
Чеченская Республика	563,3	325,2	238,1	68,7	39,6	42,3

Одновременно, ряд специалистов - кавказоведов обращают внимание еще на одну демографическую особенность. После 2007 года в трудоспособный возраст начало входить поколение, спрос, на рабочую силу которого становится критически мал. Уникальность данной ситуации заключается в том, что многие из этого поколения молодых людей получили высшее образование (так в Ингушетии до 60% молодежи имеют высшее образование, средний возраст дагестанца – 25-27 лет, среди молодежи Дагестана высока доля студентов. В республике Дагестан шесть вузов и 60 филиалов, где учатся более 110 тысяч студентов). Применение своему уровню квалификации и творческому потенциалу эта молодежь не находит в силу ряда причин и не только регионального характера. (Чаще всего филиалы ВУЗов выпускают в большинстве своем гуманитариев, не соответствующих уровню высшей школы, среди которых высока доля юристов и экономистов).

.Как отмечают исследователи, в Чечне, Ингушетии, Дагестане в последние 25 лет, перенаселенность и безработица создают огромное социальное напряжение: выпускники не могут трудоустроиться, в молодежной среде возрастает религиозная и национальная нетерпимость, усиливается неприятие общероссийской идентичности. Именно в этом

«тектоническом» факторе надо искать глубинные причины роста насилия, иррациональных сепаратистских настроений и эксцессов. Ряд исследователей современных политических процессов на Северном Кавказе (например, Ж. Гакаев, Т.Музаев), к ним присоединяется и автор, главную причину «чеченской революции» и межнациональных конфликтов в большинстве республик видят в социально-экономическом факторе, в частности, в пауперизации основной массы сельского населения, именно кризисная демография, а вовсе не воинственность горцев лежит в подоплеке конфликтов, сотрясающих Кавказ.

К сожалению, приходится констатировать, что в современных политических и социально-экономических обзорах по Северному Кавказу, в прогнозах и программах администраций республик мало уделяется внимания проблемам прогнозирования структуры и динамики развития человеческого потенциала с точки зрения поиска такого резерва трудовых ресурсов, которые были бы способны сформировать новые конкурентоспособные сферы мирохозяйственного спроса. А это имеет серьезное значение для развития региона, в первую очередь, в аспекте национальной безопасности и территориальной целостности.

Дело в том, что, несмотря на обилие публицистических и научных, довольно обширных философских и экономических работ, формированию трудовых ресурсов, способных воспроизводить и развивать материальный и интеллектуальный потенциал республик Северного Кавказа вообще уделяется мало внимания. А происходящая трансформация демографических процессов в республиках, а самое главное, этнодемографические риски и особенности управления специфическими, исторически обусловленными формами межэтнических конфликтов в северокавказском регионе, до сих пор изучены недостаточно. Среди современных регионалистов, работы которых посвящены Северному Кавказу, отсутствует единое мнение как по решению

проблем социально-экономического развития республик и нейтрализации факторов социальной и этнической напряженности, так и по улучшению качества регионального управления, демографической и региональной политики в этом регионе. Сложившиеся методы изучения демографической ситуации в Северокавказском регионе базируются на принципах альтернативности и дополнительности, согласно которым мнения развиваются в двух версиях: «узкой» – как изучение того или иного набора политических и экономических проблем современности в этом регионе с обозначением проблематики дотационности, когда экономическое пространство рассматривается с позиций разных подходов; и «широкой» – рассматриваются геополитические и социально-политические факторы конфликтогенности на Юге России и их влияние на становление российской государственности в этом регионе.

Поэтому при исследовании Северокавказского региона необходимо переосмыслить не только ключевые социально-экономические проблемы и их демографический, национальный и этноконфессиональный состав, особые природноклиматические условия, их перспективные возможности для туризма и рекреации, но и выявить новые подходы для более эффективной интеграции региона с его огромным человеческим потенциалом в остальную часть страны. Будучи многонациональными, многоконфессиональными, с высоким естественным приростом населения, с постоянным, традиционным отставанием темпов роста рабочих мест от темпов роста экономически активного населения, республики Северного Кавказа уже в 70-е годы XX века отличались глубокой неоднородностью этнического пространства, процветающими теневыми процессами в непроизводственной сфере, устойчиво высокой долей безработного населения особенно в сельской местности. Указанные проблемы ещё более усилились с момента распада Советского Союза. Проявления

нестабильности в регионе подпитывали нерешенные межэтнические противоречия, углубленные социальные проблемы и возникшие трудности экономической интеграции в связи с падением производственной сферы и неэффективным административным управлением.

Одной из глубинных причин, порождающих межэтнические и внутриконфессиональные противоречия, а также важным аспектом сложившегося демографического состава населения является миграция. Слабая промышленная и социальная база, неравные стартовые возможности, резкий спад производственного потенциала, банкротство значительного числа промышленных и сельскохозяйственных предприятий стали главными факторами безработицы при трудоизбыточности в республиках. А безработица усиливалась нарастающим потоком этномигрантов из средней полосы в 90-х годах после распада СССР, когда в условиях стихийной «суверенизации» России многие ее регионы оказались неподготовленными к работе в условиях «переходного периода», возвращением работников сезонной и вахтовой миграции из северных и восточных регионов. Наблюдается и значительная миграция жителей из горных, труднодоступных и неблагоприятных экономически районов на равнинные территории, где и так велика плотность населения. Возникшие разнонаправленные или перекрестные миграционные потоки, связанные ранее с военными, а позже межэтническими конфликтами, приумножали угрозу этнической стабильности, вызывая перераспределение сфер влияния в отраслях хозяйственной деятельности. В регионе, где неуклонно растет влияние исламского фундаментализма, миграционные потоки накладывают свой отпечаток на этнический состав населения и внутриконфессиональный раскол. Особенности развития этноориентированной миграции в республиках сложились, главным образом, под влиянием ситуационного отношения федерального правительства и силовых структур к

мусульманским общинам, исторической роли религии и этнического состава населения, а также под воздействием идеологии местных религиозных лидеров.

Как отмечали средства массовой информации Республик, а также данные переписи населения, республики Северного Кавказа из-за безработицы и возникающих военных конфликтов, покидала трудоспособная часть, и большинство их них высококвалифицированные кадры, особенно русского и русскоязычного населения, а также часть научной интеллигенции «титульного населения» северокавказских республик в другие, более благополучные, районы России. Итоги этих стихийных миграций привели к изменению баланса этнического состава во всех республиках, к образованию монокультурности, внесли негативные и глубокие демографические изменения. Следует отметить, что и сейчас продолжается отток части русскоязычного населения не только из спокойных регионов (Адыгея), но и из таких, ранее стабильных, как Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. В результате возникают особые противоречия, формирующие негативную возможность развития человеческого потенциала в республиках. Несмотря на специально принятые в ряде регионов (Республика Ингушетия, Республика Дагестан) Государственные программы по возвращению русскоязычного населения в республики, продолжается экономическое и политическое его вытеснение. А это приводит не только к обособлению регионов, но и к невозможности культурной интеграции в демографическое и социально-экономическое пространство России.

Отметим, что югу России в целом, а республикам в частности, свойственна проблема молодежной безработицы. До трети безработных - молодые люди в возрасте до 30 лет. Отчуждение молодых людей от социальных благ, десоциализация в пространстве, связанная с семейными

отношениями (тейпом, родом) по мнению автора, и является одним из главных факторов конфликта молодых людей с легитимными институтами и социумами, усиливает и порождает риски возникающих этнических конфликтов на Северном Кавказе.

По данным Федеральной службы статистики за январь 2012 года больше всего безработных (18 % населения) проживают в Северокавказском федеральном округе. Самый высокий процент по безработице в республике Ингушетия. На втором месте Чеченская республика и замыкает тройку лидеров по этим критериям Кабардино-Балкария. Ставропольский край имеет наименьший показатель безработных в регионе — чуть более 6%.

Подчеркнем, что в современных условиях выигрывает та экономическая система, которая обладает наивысшей производительностью труда за счет использования высококвалифицированной рабочей силы, новейших технологий и оборудования, создаваемых в рамках высокоразвитой науки и системы среднего и высшего образования. Поэтому обеспечение повышения качества рабочей силы за счет развития всей системы профессиональной подготовки кадров является самой приоритетной стратегической и тактической задачей, не только в целом для России, но и для республик Северного Кавказа, в частности. Образование в интересах развивающейся в регионе «зеленой» экономики должно рассматриваться в связи с изменением структуры занятости и потребностью в новых кадрах или переквалификации старых. То есть, развитие образования в Северокавказском регионе может стать «кузницей человеческого капитала не только для потребностей туристско-рекреационного комплекса, но и для «зеленой» экономики всей страны.

Стратегические интересы государства, необходимая государственная воля для преодоления стереотипов “простых и эффективных решений” северокавказских проблем, грамотное управление миграционными

процессами, миротворческие и созидательные инициативы, вместо бесперспективных силовых вариантов решения этнических конфликтов вот то, что по мнению ученых-экономистов необходимо сейчас для удержания так далеко разных, но, одинаково требующих внимания двух регионов России. Созидательные инициативы в регионе обеспечат безопасность, контроль и удержание территории, а также тот ресурсный потенциал, от которого зависит развитие страны в будущем.

А пока вновь обновленное Министерство по развитию Дальнего Востока не представило никакой внятной стратегии того, как вдохнуть жизнь в этот регион. Ведь есть же целый ряд стран, в которых добыча сырья, главный приоритет, но мы их не называем сырьевыми - это Канада, Австралия, Бразилия. Нужна масштабная государственная политика, а возможно и специально разработанная миграционная Стратегия, как по закреплению существующего населения, так и по привлечению новых людей, где будут задействованы все необходимые для реализации переселенческой программы условия: льготное ипотечное кредитование, безвозмездное предоставление в пользование фермерам крупных земельных участков, выплаты переселенцам значительных "подъемных" и другие меры. Скажем прямо, что только благодаря регулируемой миграции в советский период были экономически освоены многие труднодоступные территории Севера и Восточной Сибири.